

Александр Попов

О ЧЕМ НАДО ПИСАТЬ ?

(Из книги "Встречи и мысли")

В нашей нынешней печати чувствуется растерянность: о чем писать, чтобы было живо, нескучно, полезно? Что т е п е р ь главное ?

Писание всегда следствие мышления. Мысль же является отражением впечатлений внешней жизни. Но что может быть пестрее, запутаннее, нынешней человеческой жизни? Действительно, чувствуешь уместным парадоксальное восклицание "Загадочная жизнь!", ибо для нынешнего человека не перестают быть загадочными впечатления жизни наших дней.

Присмотритесь: ни в чем нет устойчивости, постоянства, как бы утрачена обычная закономерность; не гадать простирающегося вперед пути! Раскрывает газету, журнал, книжку даже, — всюду, как муравьи на буром курганчике, густятся одни и те же мысли, факты, деяния, — политика, политика, разных сортов и направлений политика и политика; — без конца копошится перед глазами политический муравейник. И все. Изредка, точно залетевший с поля мотылек, — ненужный кстати, — вдруг на странице мелькнут три-четыре рифмованных строфы. Совсем "нелепо", точно слабый вздох с другой планеты....

И рядом — снова муравьиная возня: декларация, конференция, пакты, войска, речи, бомбы и мечеобразные слова....

И когда доходишь до рубрики "Из жизни Д.П.", то окончательно одолевает тоска. Тоска пустоты. Точно бредешь по безлюдной, душной и безводной степи. Хочется громко-громко крикнуть, и... вместо ответа далекого эхо — вздохнуть вольным освежающим воздухом. Пусть этот вздох будет сказкой, пусть только обещанием сказки, или красивыми, увлекательно-музыкальными словами. Все, что угодно, лишь бы не муравьиный курганчик. Коть на минутку! Не в меру сгущается вокруг них духота бессодержательной жизни.

И вот, когда берешься писать... Представляется бредущий прямо на тебя, в пустыне, человек с широко открытыми жаждущими глазами, ждущими от тебя, от твоих слов чего-то необычного, — быть может, чуда. Бредущему с опущенными руками надо сказать что-то поражающее, что-то такое новое, от чего он, прежде всего, остановился бы; необходимо тот-час же протянуть ему руку, указать в иную сторону, и... что-то совершить! Иначе — человек упадет, распластается, и прядли встанет. Надо человека спасти.

Это, пожалуй, и будет чудо. Чудо спасения.

Отчего нынешний человек так безмерно устал? Почему его **н а д о** **с п а с а т ь** ?

Он устал, изнемогает, от собственной неправды. Неправда затмевает все доброе. Как саранча в степи и на полях оставляет за собой чернеющую, голую землю, так неправда, в ее различных видах, — мы теперь это очень хорошо чувствуем! — пожирает на своем пути всходы и растения жизни. У человека от неправды остается жесткое лицо, пустые глаза и безжизненность, механичность в теле. Если бы физически можно было посмотреть в человеческую душу, то ни в одном углу не нашел бы взгляд и пылинки. Пусто!

Так без правды.

Значит ?

Значит, спасти человека можно правдой? И это будет чудом ?

Не новая ли неправда то, что правда — чудесна?

Нет. Не так. Надо брать выше, определить полнее, иначе. И без примеров не обойдешься.

Иду и слышу:

— Вот так штучка! Только что полтора миллиона марок получил! И знаете от кого ? — От трамвайного кондуктора, сдачу с двух марок!

— Не ври.

— Правда получил!

— Правда тут только в том, что ты соврал, мой друг.

Юноша засмеялся:

— А разве не весело соврал? Ха-ха!

Это одно о правде. Другое:

Сидит против меня девушка. Терзает край скатерти и торопливо, напряженно говорит-говорит, точно ей дан срок, час, минута, и она торопится сказать все-все. Ее слова горьки, колки, болезненны и жгут. Она заканчивает, несколько поблекшая, проводя рукой по лбу, к волосам:

- Ахххх... Нет правды на свете! Нет! Одна ложь. Или просто ничего. Правда - интрига дьявола! -

От смелости мысли девушка слегка сконфузилась и улыбнулась. В глазах затеплилось отрезвление. Она готова назвать шуткой и все свое предыдущее признание, что минут десять пылало на ее устах, и эту, как молния, сверкнувшую страшную мысль о правде, которую она так напряженно, долго, страстно искала!

Девушка поднялась, взяла сумочку:

- Что же Вы на это, мой учитель?

В ней не прошел еще трепет возбужденной мысли. Это было кстати. Как можно мягче спросил:

- Знаете ли Вы разницу между правдой и истиной?

Она подумала и сверкнула глазами.

- "Что есть Истина?" Кажется, знаю... Правда - это когда все верно, чисто, без заминки, нет не так... Ну, Вы понимаете. А истина? Это... Истина, по моему, нечто высшее. Ну вот, например, над нами потолок, не высоко; за ним - крыша; допустим, что эта реальность, - и та, и другая, - и правда. А сверху, за крышей, - небо. И вот там, высоко-высоко, где нет границ вверх - это, в моем представлении, и есть и с т и н а ! -

Девушка смущенно зарделась.

Да. Истина выше всяких и всех крыш. Истина выше, неизмеримо выше правды. Правда - это весы человека. Истина - весы Творца. На земле, даже на муравьином курганчике, есть своя правда. И много их, с в о и х правд на земле. Но истины между ними нет. Истина снисходит на землю, как непродолжительная, благая воля Того, выше Которого ничего представить нельзя.

Истина, как едва мыслимое высочайшее толкование правды, способна сойти на человека, и, по библейскому преданию, однажды сошла и жила в нем.

Значит, человек м о ж е т постичь Истину? И свою правду, земную, может ли он облечь в истину? И, нарядив правду в истину, сможет с нею пребывать постоянно?

Что значит пребывать с истиной?

Это значит, прежде всего, что человеку следует оторваться от неправды, т. е. обманывать и не обманываться. Даже шутя. Надо подняться выше правды; и в то же время ощущать ее под ногами, как связь с землей.

И это так легко! Ведь Истина в с е г д а с нами и в нас, она - в о г. Истину не искать надо, а видеть.

Недаром презорливо-чуткая душа Лермонтова воскликнула:

"И в небесах я вижу Бога."

Вот и готово недоразумение: при чем тут Д. П., конференция, человек в белой степи и истина? Не слишком ли некстати? Не слишком ли смело? (Смешно?). И с т и н а - величайшая проблема! Спасти человека - нужно мгновенное воскресение. А проблема истина - на годы, на века!! Что же может лихорадочное писание об истине?

Все-таки писать об истине. Ибо, как сказано, она в нас и с нами. Надо писать сколько можете чаще, чаще, проще и вернее; пишите о торжествующей чистой совести, о долге, о чести; об исполненном простом обещании и о выполненной до конца клятве. Пишите о том, как два озлобленных человека, в конце концов, полюбили друг друга, и о девушке, незнающей покоя в конских правды, ее красоте истинной; пишите о голубом поле, о колокольчике и пчеле на нем, о радостной встрече двух душ, 30 лет искавших друг друга. Напишите десять раз - по разному - об одном и том же чуде исцеления русским святым умирающей матери троих детей и об их счастье - перед славой Творца. Пишите о собаке-матери, кормящей осиротевшего котенка вместе со своими щенками, или о мальчике, впервые пойманном серебряным

ную рыбку, и о том, как она забилась в его руке, и как он от этого бросил рыбку в воду, а удочку навсегда в костер. Попробуйте проникнуть в душу (и напишите это) обозленной девочки, убившей, на зло етцу, цыпленка.... И том - как эта девочка плакала, билась головой о землю над вялым трупиком невинной птицы! Напишите, если сможете, о счастливых днях человека, не знавшего еще, колхоза, концентрационного лагеря, бомбоубежищ и развалин тысяч городов, припаивности к труду на заводе и того, как люди, навсегда, нумеруют друг друга татуировкой. Пишите в разных вариантах о человеке, впервые в жизни вошедшем в храм ради любопытства, как в вековой гулкой шине купола он стал, как недозревший плод, наливаясь неведомым чувством присутствия Истины, и как неведомая доселе слеза раскаяния полилась из прозревающих глаз. Когда смотрите **ИЯ** в глаза теленка, или на торопливого жучка, или на молодой, еще палево-зеленый **ИКАЖИКА** листок дубовый, - прислушайтесь как сладко-щемящее умиление мягко берет ваше сердце, невольная улыбка глубокой радости бытия сама собой зацветает на вашем лице, - и не забудьте это, не стыдитесь, а напишите, чтобы оставить жить начало явления истины, ее любви, разлитой всюду-всюду....

Вам будет докучать муравьиный курнанчик, но вы улыбнетесь на докучку: "Не ты главный!" и пишете, говорите, пойте письмом о том, как над вами раздвигается потолок, исчезает крыша, и вдруг появляется бесконечная высь и необ"ятно глядит эта высь на весь мир тайным величественным спокойствием очей Творца.

Человек в голой степи не сможет не увидеть вашу протянутую к нему руку; он, так же, как и вы, - поверьте! - мгновенно ощутит приближение истины, вздрогнет, и оживет.

Если же вы пойдете тогда, когда человек уже распластан, - никогда не оставляйте его гнить, а потихонько и все громче читайте над ним то, что написали об истине в жизни, если сможете - спойте о том же и, - верьте, - совершится чудо воскресения.

Это все - не "наивная вера в нереальное" и не "несвоевременные советы", а только напоминание о Духе и любви, без которой мы уже долго пытаемся жить, но жить без которых немислимо. И это мы хорошо знаем, именно теперь.